

И. А. БИЛОМУ

Когда вы попали в беду — в белградскую тюрьму, я, подавив свою личную неприязнь к вам, по мотивам принципиального характера, чуть ли не в единственном числе из всех казаков, печатно выступил в вашу защиту. Когда одни ваши единомышленники тихо спрятались, а другие радовались печатно, я руководился правилом — лежащего не бьют — и, признаюсь, допускал, что несчастье, быть может, хоть чуточку исправит вас.

Но вы остались верным себе: гадким лжецом и жалким трусом, который при первом окрике паршивого полицейского выбалтывает все свои секреты, подписывает, не читая, все, что предлагают, лишь бы спасти свое драгоценное тело от лишнего полицейского шлепка. Поэтому в первом же номере своего журнала, выпущенном после тюрьмы, вы продолжаете клеветать на меня, утверждая, что я «продал Терское Войско». Предельная глупость этого утверждения ясна каждому. Вы сами отлично знаете, что лжете. Но стремясь любым способом набросить

ть на мое имя, полагая, что выдуманная вами получка мною от кого то денег на свою публичную политическую работу может меня дискредитировать в глазах некоторых казаков, упорно продолжаете свою гнусную клевету по моему адресу.

Вы забыли поговорку: «в доме повешенного о веревке не говорят».

Я совершенно не намерен, ни теперь, ни в будущем, вступать с Вами в полемику, тем более реагировать на благоглупости ваших подручных.

Вы, как всегда, лжете. А вот я имею полную возможность доказать, сь документами в руках — от кого, через кого и сколько вы получали и получаете. Эти документы есть только у меня одного, их нет и у вас, вы знаете, о каких документах идет речь.

Если я до сих пор их не опубликовал, то совсем не из уважения к вам, а по соображениям высшего порядка.

Предлагаю вам перед Комиссией из авторитетных и нейтральных лиц доказать свое утверждение, а я докажу — от кого и сколько вы получали и получаете.

Шамба Балинов.

ДМ. ВИШНЯКОВ. (Чехословакия).

Из дневника одинокой

.....Сегодня целый день проклиная себя. Наконец, улыбнулась было мне судьба и послала подходящего человека, но проклятое врожденное женское легкомыслие, во мне, видимо, разбитое несколько больше, чем надо, опять опрокинуло все и убило зародившуюся было надежду....

Не скрою ни от кого, что я уже несколько лет безуспешно ищу себе мужа. И ничего смешного в этом вовсе нет: уже 3 года, как мне «39» лет... Все язык не повернется произнести роковое слово «40». Я — одинока, как перст, на чужбине, кормлюсь отвратительным трудом больницы сиделки — чужие раны, гнои, болезни, грязь, грошевая плата, — и как мне не искать выхода из этого положения и как не ужасаться будущего, надвигающейся старости?.. А выход — один: выйти замуж за подходящего (пожилого и обеспеченного) человека. Ох, не легкое это дело!.. Куда исчезла та вереница, целый хвост прекрасных мужчин, которые, бывало, плелись за мною?.. Они ушли с моею молодостью, с богатством и светским положением.

Я и теперь не дурна собою. Некоторая полнота, при моем вышесреднем росте, не портит,

а, наоборот, приближает ко вкусу громадного большинства здешних мужчин, охотников до «тлустых и геских». И на меня, выражаясь их языком, еще «берут». Но беда в том, что я не умею и не могу вести до конца твердую линию.

А потом, — о нас, русских женщинах, установился у местных мужчин такой взгляд, что мы хороши в обществе, но никуда в доме, к нам легко пристают, но без серьезного намерения. А наши, свои эмигранты?.. Ох, что о них и говорить! То голодранец, которого нужно самого кормить, а как устроенный, то из кожи лезет, чтобы жениться на местной и получить приданое, связаться родством, найти протекцию, и воротят носы от своих.... А сколько наших прекрасных и интеллигентных барышень сидят в старых девицах и принуждены идти Бог знает куда?!.. Свои ищут чужих, а чужие берут своих. На нашу долю остаются только гуляки и ловцы. А русская женщина виновата!..

Но в этом случае я виновата сама кругом.

На новогоднем русском балу на меня обратил внимание один солидный, моих лет капитан, холостяк, руссофил. Я сразу угадала в нем серь-

ежного человека. Видимо, я понравилась ему. Все время танцевал только со мною, не отходил ни на шаг, щедро угощал в буфете. Внимательно расспрашивал про мою прошлую и настоящую жизнь и сожалел, что я в таком недостойном положении и даже сказал, что, мол, Бог даст — все поправится и буду иметь покойную старость.

Ну, одним словом, вечер проходил прелестно. Я трепетала от радости, что, наконец то, может, счастье улыбнется...

И нужно же было, чтобы на том же балу я приглянулась молодому, красивому гусарскому поручику! Подлетел, расшаркался и пригласил меня на танец... Ах, если бы я догадалась посмотреть этак на своего капитана и отшить гусара! «Богужель, мол, занята».

Но я, ни о чем не думая, пошла танцевать с гусаром. Признаться, хотелось мне утереть нос двум другим нашим вдовушкам, которые сидели без кавалеров. Гусарик был в ударе: танцевал отлично, без умолку острил, сыпал комплиментами, пожирал меня сверкающими глазами, крепко прижимал во время танцев, одним словом — пристал, как банный лист. Я просто не могла от него оторваться и вернуться к моему капитану. Закрутил меня чорт!... Недаром мы — слабый пол.

Наверно уже было к концу бала, когда он предложил автомобиль, — отвезти меня ко мне. Привез меня, долго целовал руку, попрощался и укатил...

Наутро, спозаранку, когда я была еще в кофте и постель не убрана, влетает ко мне поручик с громадным букетом цветов, с роскошной коробкой шоколада и начинает паливать (ах, если бы это слово тогда пришло мне на мысль!), что он не мог очей сомкнуть, все время думал обо мне и т. д.

Конечно, в глубине души чувствовала я несерьезность всего этого («куда — думала я — ему не больше 25»), но, прости, Господи, меня грешную, приятно было вновь пережить то, что напоминало молодость и было... Блестящий гусар, автомобиль, цветы, шоколад, страстные речи и этот ошалелый налет чуть свет!...

И нужно же было так случиться!... Не успела я его усадить рядом с собою на постель и разговариваться, как раздается опять стук в дверь. Я подумала, что это моя сожительница, другая си-

делка, и кричу: «Просим!»...

И что же вы думаете?! Входит мой вчерашний капитан!... Я так и обомлела. Вошел он, оглядел нас смущенно, улыбнулся (ведь я в капоте и сидим рядышком на моей, еще не убранной постели!), потом сделал серьезное лицо и говорит: «Вчера я не заметил, как вы ушли, и я не смог проститься. Шел мимо, мой дом тут не далеко, решил заглянуть к вам и извиниться». Проговорив это, он ушел.

Тут я поняла, какое серьезное намерение было у капитана и как счастье уплыло мимо носа...

.....

Вчера я была на веселом балу Союза Русских Инженеров и Союза Галлиполицев. Хороший был бал. Ах, сколько мне стоил он! Все свое годовое сбережение истратила я на обновки, чтобы быть на этом балу одетой, как следует. Даже старой матери в СССР не послала ничего!

Действительно, на мне все было отличное, современное. Вообще, черное при вечернем освещении отлично идет к моему бледному лицу. Что греха таить? Думала вновь моего капитана подцепить...

Ах, будь ты проклят, этот бал! Потерпела я полный крах. Капитан был и по-прежнему один. Я приветливо ему улыбнулась, увидя его, но он едва кивнул головой, чуть улыбнулся и за весь вечер не подошел.

Но мало этого: был тут же и мой обольститель — поручик. Думала, что хоть этот будет со мною; думала — «не поддразнит ли это капитана?» Но и этот, чорт, не подошел.

И была я несчастна. Пришлось мне, разодетой на последние копейки, весь вечер просидеть с нашими дамами, с их мужьями и слушать сплетни.

Наконец, я поймала поручика и говорю: «Я хочу ехать домой, у вас есть машина?» — «Богужель — отвечает он — со мною мать и сестрица. Не могу».

Вернулась я сама не своя, убитая горем, раздаваемая досадой, несчастная. Пришла в свою комнату, разодрала все с себя, упала на постель и всю ночь проплакала... Дуры мы, бабы, дуры!!!

Дм. Вишняков.

СТАРЫЙ КАЗАК.

Кавкассские настроения

АВТОРУ настоящей заметки пришлось побывать на интересных докладах (в Соснетэ Саван) князя Вачнадзе (грузин) и г. Элекхоти (горец) по вопросу о будущих судьбах Кавказа. Тема актуальная и значительная не только

для кавказцев, но и для всех причерноморских народов. Оба доклада производили отличное впечатление и своей обстоятельностью и обильной документацией. Больно было только слышать, в порядке прений, что народы этой пре-